

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, ВОЗРАСТНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Я. И. Коряков

ЭВОЛЮЦИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБРАЗОВ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Первая половина нашей жизни испорчена родителями,
вторая – нашими детьми
Кларенс Дэрроу

Родительство – универсальный феномен человеческой жизни и истории. Однако сама концепция родительства значительно меняется как с течением времени, так и в зависимости от социальных групп или индивидов, выражающих те или иные взгляды. Исследование исторического процесса изменения взглядов на феномен родительства предпринимается в последнее время все чаще, но, тем не менее, находится еще, скорее, в зачаточном состоянии [1].

В нашем кратком обзоре мы ограничимся рассмотрением взглядов на роль и функции родителей в классических и современных психоаналитических теориях.

Родительским фигурам в психоанализе всегда уделялось большое внимание. Но, в целом, психоаналитический подход сконцентрирован на ребенке и его переживаниях, даже если речь идет о взрослых. Поэтому глубоких исследований психоаналитических теорий с точки зрения родителей практически не встречается. И если материнская роль еще попадает в поле зрения аналитиков [67], то отцам «везет» значительно меньше.

Мать

Абсолютную важность отношений младенца с матерью Фрейд подчеркивал с самого начала развития «генетической точки зрения» в психоаналитической метапсихологии, рассматривая их как прототип всех дальнейших отношений во взрослой жизни человека [5]. Мать – первый и самый важный объект любви ребенка, можно сказать, центр его мира. Однако «объект» в теории Фрейда возникает из инстинктивных влечений, из опыта их удовлетворения и фрустрации, а «дальнейшие отношения» включают производные этих влечений и их объекты. Таким образом, мать видится, скорее, как контейнер энергии базовых влечений, объект, почти механически удовлетворяющий основные потребности, а ее личность практически не принимается в расчет. Мать

может лишь служить целью влечения, препятствовать его разрядке или облегчать ее.

Эта особенность классической теории получила разные объяснения у исследователей творчества Фрейда, но, так или иначе, все они связаны с особенностями отношений юного Зигмунда (тогда еще Сигизмунда) и его матери. Питер Гэй считает, что основатель психоанализа, будучи истинным джентельменом XIX века с соответствующими взглядами и ценностями, видел материнство как незаметную, скромную деятельность, проходящую фоном в жизни ребенка и не играющую заметной роли в формировании его личности [31]. Он же предполагает, что невнимание Фрейда к оральной стадии и материнской фигуре было обусловлено боязнью признания несовершенства связи с собственной матерью. Нежелание Фрейда анализировать свои оральные фиксации, в частности, пристрастие к курению сигар, отмечал еще Макс Шур [58]. Этвуд и Столоруо показывают, что психоаналитическая теория выполняла определенную защитную функцию для самого Фрейда, который идеализировал собственную мать и строил психологические рассуждения таким образом, чтобы «снять ответственность» за возможные эмоциональные и поведенческие отклонения у ребенка с матери вообще [11]. Этот вариант представляется весьма вероятным при том, что взгляд на мать как источник возможных психических нарушений у ребенка появился уже в ранних работах Карла Абрахама, но достойной поддержки не встретил как отклонение от «генеральной линии» классического подхода [48].

Последующие психоаналитические теории, наоборот, все больше подчеркивали ту огромную и особую роль, которую играет мать в формировании личности ребенка. Можно даже сказать, что маятник качнулся в другую сторону, и на мать зачастую стали возлагать слишком большую ответственность, наделяя ее функции качеством почти всемогущества [67]. Возникли, скажем, такие конструкты, как «шизофреническая мать», не получившие затем достаточного обоснования.

Еще в период развития классического фрейдовского подхода ряд аналитиков – Карл Юнг, Джордж Гроддек, Отто Ранк, Шандор Ференци – обратили внимание на доэдипальное влияние матери и соответственно модифицировали свои взгляды. Но лишь Р. Брунсуик удалось подчеркнуть это влияние, не вызвав негативной реакции Фрейда, поскольку речь шла о влиянии исключительно на развитие психики дочери – область, где отец психоанализа чувствовал себя не очень уверенно. Согласно Ференци, именно нечуткая реакция матери – эмпатическая неудача – и составляла сущность детской психической травмы [52]. Этот взгляд стал

широко распространенным благодаря теориям британской школы объектных отношений, селф-психологии Кохута и ее современных модификаций, но при жизни Ференци поддержки среди его коллег не нашел (разделявший его взгляды Отто Ранк сам пребывал в положении «диссидента»).

В 30-е годы в Америке (хотя и в большой степени силами европейских эмигрантов) начал развиваться межличностный психоанализ, представителей которого традиционно и весьма неудачно, на наш взгляд, называют неотрейдистами. Аналитики в этой традиции отказались от доминанты модели влечений и уделили особое внимание влиянию социального контекста на развитие и функционирование психики. Материнское влияние в этом ключе приобрело известную значимость. Карен Хорни описывала чувство базовой безопасности, возникающее у ребенка в принимающем, эмоционально позитивном окружении, в противоположность чувству базовой тревоги, развивающемуся в условиях напряженности, враждебности, конфликтов [7]. Гарри Стэк Салливан разработал концепцию целиком контекстно-зависимой личности и описал ее формирование в тесном взаимодействии ребенка с матерью в раннем возрасте. Основным фактором влияния на возникновение личности (я-системы) он считал материнскую тревогу, избавиться от которой младенец не может и вынужден адаптироваться к ней, модифицировать собственное поведение, регулируя его при помощи соответствующих персонификаций опыта (я хороший, я плохой, не я). Нормы и патология развития зависят от степени интенсивности материнской тревоги, так, при крайне интенсивной тревоге матери многие переживания ребенка подвергаются диссоциации (доминирует персонификация не-я), что, в конце концов, может привести к шизофрении [66].

Наиболее прямым «наследником» классического психоанализа, по крайней мере, в опоре на теорию инстинктивных влечений, стала эгопсихология, возникшая на основе развития структурной модели Фрейда. Анна Фрейд, чья работа «Эго и механизмы защиты» стоит у истоков эго-психологии, также отмечала непосредственное и решающее влияние матери на детскую психику. Если, работая с взрослыми, психоаналитик имеет дело с внутренней, психической реальностью, то детский аналитик постоянно сталкивается с мощным влиянием окружения [26]. Поэтому в своей работе с детьми Анна Фрейд побуждала матерей менять поведение с пользой для детей.

Фундаментальными для эго-психологии стали теоретические работы Хайнца Хартмanna, в которых на первое место в развитии и функционировании психики была выдвинута задача адаптации к внешнему

окружению. Важнейшей частью окружения ребенка является, конечно, его мать, и в моделях эго-психологии ее роль вышла на передний план. Рене Шпиц, исследуя психическое развитие брошенных, эмоционально депривированных детей, пришел к выводу о незаменимости материнской заботы [60]. С его точки зрения материнское влияние – главная детерминанта здоровья и патологии в жизни детей, начинающейся в состоянии психического слияния с матерью, и специфическое материнское поведение служит источником конкретных нарушений (например, враждебность матери, скрытая явной тревогой, приводит к диатезу). Здесь влиянию матери придана даже чрезмерная значимость. Если Шпиц описывал негативные последствия материнского отвержения, то Дэвид Леви в 1943 г. рассмотрел негативные процессы, связанные с противоположным явлением – чрезмерной материнской защитой и опекой. И сверхзабоченность, и отвержение Леви считал проявлениями «бессознательной враждебности» матери [42].

Классическая ныне теория развития Маргарет Малер возникла на основе наблюдений за детьми и их матерями [47]. Она описала формирование личности ребенка (по сути, его психологическое рождение) в процессе сепарации-индивидуации из симбиотического дуального единства мать-дитя с прохождением стадий дифференциации, практики, воссоединения и консолидации постоянства объектов. Эффективность материнской роли в этом процессе зависит от ее приспособления к развитию ребенка, нахождения определенного «резонанса» на каждом этапе его пути. На начальной стадии мать обеспечивает безопасность младенца в тесной связи с ним, выполняя функции вспомогательного эго и стимульного барьера. Впоследствии она дистанцируется все больше, поощряя детскую самостоятельность и ту степень независимости, которая соответствует возрасту ребенка. Неудача адаптации матери к меняющимся потребностям растущего сына или дочери – гиперопека и инфантилизация или, наоборот, преждевременное отдаление – может привести к серьезной психопатологии.

Исследования Шпица и Малер ввели в классические теории новое понимание происхождения человеческой психики. Ее истоки по Фрейду – в темном дочеловеческом, животном прошлом, становление человеческой личности происходит посредством социальной регуляции. Изначально асоциальный субъект требует воспитания, обуздывающего инстинкты, чтобы превратиться в полноценного члена общества (и здесь его подстерегают превратности неизбежного конфликта природы и культуры). Новый подход видел ребенка социальным существом, нацеленным на контакт и адаптацию к обществу (даже ценой собственного

благополучия, что хорошо продемонстрировал Салливэн). Личность постепенно обособляется, возникает из состояния симбиоза с матерью, и материнская роль оказывается ведущей в этом процессе.

Сама теория влечений в эго-психологии претерпела изменения. Ганс Лёвальд [46] настаивал на том, что базовые влечения, также, как бессознательные представления себя и объектов, развиваются из интернализации паттернов ранних взаимодействий матери и ребенка. Именно интернализированные взаимодействия, а не сами объекты (в противоположность теориям объектных отношений), формируют ядро психической структуры индивида. Особое развитие эти идеи получили в работах Отто Кернберга, который, благодаря им, связал в единое представление взгляды классического психоанализа, малеровскую модель сепарации-индивидуации и кейнсовскую теорию объектных отношений.

До обращения к взглядам британских теоретиков объектных отношений необходимо упомянуть работы Джона Боулби, важность которых трудно переоценить. Даже раньше Рене Шпица, в конце Второй мировой войны, он обратился к изучению опыта брошенных младенцев, сирот, детей, оторванных от родителей в результате длительной госпитализации или по другим причинам. Выводы, сделанные им, были весьма неутешительны – дети, лишенные полноценной материнской заботы, даже имея все необходимое для жизни, развивались хуже и медленнее сверстников, показывали более низкие результаты в интеллектуальных тестах, демонстрировали эмоциональное отчуждение вплоть до аутизма, были слабее физически [17]. Предложенные Боулби практические рекомендации для социальных институтов в значительной степени повлияли на область социальной работы в Англии (к аналогичному процессу в Соединенных Штатах привели работы Шпица). Продолжив исследования, Боулби сформулировал свою знаменитую теорию привязанности [18;19;20].

Привязанность означает эмоциональную связь при достаточной степени автономии в отличие от зависимости. Объект привязанности (в раннем детстве – мать) обеспечивает поддержку и безопасность, которые облегчают активное исследование окружения и развитие социальной и интеллектуальной компетентности. Этому способствуют специфические родительско-детские отношения, которые характеризуются проявлением позитивных чувств при воссоединении (после временного разделения), доступность и возможность использования родителей для поддержки, когда это необходимо ребенку, и уважение родителями его автономии. Конкретное поведение, соответствующее этим характеристикам, меняется в зависимости от возраста ребенка. Если Фрейд счи-

тал, что ранние объекты ребенка взаимозаменяемы – главное, чтобы обеспечивался надлежащий уход, и младенец привязывается к тому, кто о нем заботится, то Боулби рассматривал именно биологическую мать как незаменимый полностью объект привязанности. Даже временная изоляция ребенка от матери, в зависимости от ее длительности и возраста ребенка, приводит к фрустрации базовой потребности в привязанности и может стать причиной развития психопатологии. Паттерны привязанности, сформированные в детстве при активном участии родителей, в первую очередь, матери, усваиваются как *внутренние рабочие модели* отношений и остаются значимыми и действующими в последующих взрослых отношениях человека. Отношение матери к ребенку также формируется под влиянием таких внутренних моделей, которые при этом не осознаются. Так родители многих детей, демонстрирующих так называемый «небезопасный стиль привязанности», склонны идеализировать собственных родителей, «не замечая» очевидных болезненных эпизодов взаимодействия с ними в детстве. Вместо этого подобные болезненные ситуации воспроизводятся в отношениях с собственными детьми [12]. В то же время переоценивать роль «материнской депривации» в развитии психопатологии также было бы преувеличением, хоть это и важный стрессогенный фактор, но далеко не единственный и зачастую не самый определяющий [56].

Мелани Кляйн, чьи идеи колоссально повлияли на развитие современного психоанализа, придерживалась фрейдовской теории инстинктивных влечений, причем в последней редакции, использующей понятия влечений к жизни и к смерти. Мать, таким образом, также рассматривалась в первую очередь как экран для младенческих проекций [2]. Испытывая угрозу саморазрушения со стороны влечения к смерти, ребенок защищается от нее, отщепляя и проецируя собственную агрессию на первичный объект – материнскую грудь, которая тем самым подпадает под его фантазийный контроль. Такую защиту Кляйн назвала проективной идентификацией. Под влиянием проективной идентификации у младенца формируются образы «плохой» и «хорошей» матери. Их интернализация приводит к появлению «внутренних объектов». Таким образом, в построении объектных отношений первична внутренняя динамика младенца, а не реальные отношения с матерью, которые, впрочем, могут модифицировать этот процесс.

Уилфред Бион внес существенный вклад в понимание проективной идентификации, описав ее как процесс примитивной межличностной коммуникации, вынеся за рамки индивидуальной фантазии [15]. Младенец испытывает беспокоящие ощущения, которые он не может

структурировать и контролировать ввиду незрелости психических функций. Пытаясь избавиться от невыносимого содержания психики, он проецирует его на мать. Играя роль «вспомогательного эго», мать воспринимает и «контейнирует» соответствующий опыт, организует его для ребенка, который затем интроецирует его в переносимой и усваиваемой форме. Особая восприимчивость к таким процессам возникает в состоянии *реверси*, «рассеянного внимания», которое в норме характерно для матери. Постепенно, с такой внешней помощью, у ребенка самого формируется способность перерабатывать новый опыт в переживания, доступные бессознательным и сознательным манипуляциям. Однако способность эта в большой степени зависит от способности матери к такой переработке, в первую очередь, эмоционального содержания. По сути, от матери требуется уметь адекватно переживать весь спектр человеческих эмоций, «показывать» младенцу, как справляться с ними, выражать и трансформировать все чувства. В противном случае переработанные, «неусваиваемые» аспекты психики (например, агрессия) могут становиться источниками различной психопатологии. Необходимость родительского обращения к полному спектру эмоций обосновывается и в наиболее современных психодинамических подходах к человеческому развитию [3].

Рональд Фэйрберн, который, собственно, и ввел термин «теория объектных отношений», рассматривал реальные взаимодействия с объектами как прототип внутренних «объектных отношений» и дальнейшего поведения человека по отношению к значимым другим. В основе психической структуры личности лежит интернализация ранних отношений. Подчеркивая сначала направленность либидо на поиск объекта (а не удовлетворения при помощи объекта, как в классическом анализе), в дальнейшем Фэйрберн вообще отказался от теории влечений. Появление агрессии рассматривалось им как следствие фрустрации, возникшей в реальном взаимодействии с внешними объектами [25]. Таким образом, решающим в личностном развитии оказывается качество реальной родительской (в первую очередь, материнской) заботы. Главное условие психического здоровья – полноценный адекватный ответ матери на потребности ребенка, его состояние инфантильной зависимости. Такая способность обеспечивать необходимое удовлетворение детских потребностей зависит от внешних обстоятельств и наличия или отсутствия психопатологии у самой матери (родителей). В реальной жизни такая психопатология наблюдается почти всегда, что и приводит к процессам расщепления эго, появлению внутренних объектов и вытеснению частей эго. Ученик и последователь Фэйрберна, известный английский психо-

аналитик Гарри Гантрип пошел еще дальше, настаивая на исключительности материнской заботы и рассматривая всё последующее развитие и психопатологию человека как попытки справиться с неудачами в ранних отношениях матери и ребенка [33].

Дональд Винникотт, наиболее известный и цитируемый из британских психоаналитиков, описал особые функции матери в самых ранних отношениях с младенцем. Он считал, что, в принципе, некорректно рассматривать ребенка в отрыве от его окружения. «Не существует такого явления, как ребенок» – только диада мать-ребенок. Изначально младенец находится в состоянии *неинтеграции*, нераздельности со своим окружением, в потоке спонтанно возникающих и исчезающих в случае удовлетворения желаний. Этот опыт, по мнению Винникотта, крайне важен для развития личности, и обеспечивается он качеством материнской заботы. Задача матери – интуитивно создать особое окружение для младенца, сформировать мир, в котором его желания исполняются точно и вовремя так, чтобы ребенок даже не почувствовал вмешательства «извне», испытал определенный «момент иллюзии». В этом ей помогает состояние «первичной материнской вовлеченности», возникающее в норме уже в последние месяцы беременности, особая «настроенность» на младенца, чуткость к его нуждам и требованиям. Опыт ребенка в таком окружении (*холдинге*) описывается как субъективное всемогущество [70]. Однако состояние первичной вовлеченности постепенно проходит, и мать начинает допускать неудачи, реагируя на все более усложняющиеся желания ребенка – в его опыт вторгается реальность, заставляя постигать пропасть между желанием и удовлетворением, осознавать собственную зависимость от желаний матери, необходимость считаться с объективными обстоятельствами. В дальнейшем психически здоровый человек ориентирован на реальность, но ядро его личности – область субъективного всемогущества, спонтанности, независимых творческих сил. Между инфантильным всемогуществом и объективной реальностью помещается переходный опыт, наиболее конкретно воплощаемый в переходных объектах – предметах, парадоксально воспринимаемых ребенком и созданными им самим и в то же время найденными во внешнем объективном мире [69]. Это может быть, например, любимая игрушка, и ее значимость для ребенка очень велика. Большую роль в переходе к реалистичному восприятию мира играет то, как мать реагирует на агрессию малыша. Уничтожая мать в фантазии, ребенок убеждается в ее выживании в реальности, что подтверждает ее независимость как внешнего, реального объекта. В этом случае на нее можно действительно положиться, не боясь разрушительной силы собственных

импульсов. Такое «использование объекта», в свою очередь, важно для формирования в будущем способности к зрелой любви. Эта способность находится под угрозой, если мать «разрушается» агрессивными выпадами ребенка – теряется, выходит из себя, впадает в депрессию и т.п. [72]. Таким образом, «достаточно хорошая мать» в отличие от «плохой» чутко реагирует на потребности и спонтанные проявления младенца, забывая даже о собственных интересах. Тем самым создается уникальное окружение-состояние холдинга, пестующее субъективность зарождающейся личности. Но такая вовлеченность хорошей матери постепенно снижается, и она, в отличие от «идеальной» родительницы, обеспечивает моменты конструктивной фрустрации, не травмирующие психику, но погружающие ребенка в реальность. В противном случае возможно развитие серьезной психопатологии. Кроме того, хорошая мать солидарна с ребенком в особом отношении к переходному объекту, интуитивно понимая его значимость. Она также должна выдерживать агрессию малыша, позволяя «использовать» себя, не отчуждаясь и не прибегая к возмездию. На все это, по мнению Винникотта, способна «обычная заботливая мать» [70].

Хайнц Кохут, основатель селф-психологии, рассмотрел особые отношения младенца со значимыми другими (в первую очередь, конечно, родителями), жизненно важные для формирования устойчивого и адекватного чувства самости [39]. Для решения этой задачи ребенок нуждается в *селфобъектах* – объектах, воспринимаемых им как выполняющих функции поддержки, восстановления и трансформации самости. Несмотря на то, что селфобъекты определяются субъективным переживанием их функции, родители должны предпринять определенные (опять же, вполне естественные и интуитивно понятные) усилия для выполнения *селфобъектных функций*. Определяющую роль в понимании детских нарциссических потребностей играет родительская эмпатия. Во-первых, мать поддерживает грандиозность младенческой самости, отражая ее в собственных реакциях, восхищаясь ребенком, его действиями. Во-вторых, родители (здесь уже первую скрипку играет отец) должны принимать идеализацию себя ребенком, обеспечивая ему возможность слияния с сильным, практически всемогущим объектом. Они же должны обеспечить процесс «оптимальной фрустрации», в котором оценка реальности становится адекватной, а селфобъектные функции интернализуются ребенком. Хронический недостаток эмпатии со стороны родителей может привести к серьезной патологии личности.

Теория интерсубъективности добавила к этой картине и селфобъектные потребности родителей, предложив рассматривать организацию

детского опыта «как свойство системы взаимной регуляции ребенок-родитель (в общем случае – тот, кто заботится о ребенке)» [65. С. 23]. Диссоциация эмоционально травматических взаимодействий составляет основу бессознательной организации психики. Неинтегрированные эмоциональные состояния становятся источником внутренних конфликтов, представляя собой угрозу целостности психологической структуры и значимым отношениям. В этой перспективе особую роль играет поддерживающее поведение матери (родителей), позволяющее снизить или устранить эффект психической травмы.

В то же время все более преобладающий в современном психоанализе «интеракционистский» подход видит младенца активным участником отношений, а не просто пассивной стороной, лишь реагирующей на родительское поведение, или активным только в формировании фантазийных внутренних образов родителей [43; 61; 62].

Стремление к материнству, согласно Фрейду, является производным от инстинктивных влечений. Обнаружение анатомических различий между полами приводит девочку к чувству генитальной неполноценности («кастрированности») и зависти к пенису. Возлагая вину за это на мать, она обращается к отцу как сексуальному объекту и формирует компенсаторную фантазию рождения отцу детей как гаранта его благосклонности. Занимая «воспринимающую» позицию по отношению к отцу, девочка должна подавить свою агрессивность и развить женские качества пассивности и мазохизма [28]. Посвящение себя рождению и воспитанию детей вместо иных социальных действий реализуется в качестве вторичной нарциссической защиты.

Хелен Дойч, посвятив описанию материнства значительную часть своей классической «Психологии женщин» [24], лишь незначительно модифицировала гипотезы Фрейда, утверждая, что отстранение девочки от матери происходит постепенно, а не сразу. Она соглашалась с тем, что пассивность, мазохизм и повышенный нарциссизм присущи женской природе, а мазохизм является просто необходимым компонентом материнства, хотя и не сводила материнскую заботливость к мазохистическому подчинению. Однако она не считала, что мать предпочитает сыновей, а, наоборот, желает воплотить себя (и собственную мать) в дочерях.

С точки зрения эго-психологии материнство преследует как биологическая цель – достижение завершенности посредством зачатия, вынашивания, заботы о детях, так и социальную – исполнить мощные культурные и воспитательные (образовательные) директивы. Превратности зависти к мужчине часто ведут к желанию иметь сына, что может

обеспечить «бессознательное проживание близкой к ним жизни» [44. С. 443]. В материнстве достигается и определенное удовлетворение эдиповых желаний – символически реализуются фантазии замещения матери и рождения отцу ребенка. Женщина, наконец, обретает равенство с матерью. Зачастую углубляется любовь к мужу, сделавшему это возможным.

Джудит Кестенберг описала ту роль, которую играет внутреннее репродуктивное пространство в развитии женщины [36; 37]. Стремление к материнству зарождается в раннем периоде развития, до стадии сепарации-индивидуации, и основывается на отношениях матери и дочери. Мать и дочь чувствуют единство, порожденное одинаковыми ритмами движения, девочка изначально не различает внешнее пространство, обеспечиваемое матерью, и ощущаемое ею внутреннее пространство. Идентификация с матерью помогает девочке сформировать собственные функции материнской эмпатии и интуиции. А желание получить отцовский пенис, зависть к пенису возникают из потребности уничтожить чувство *пустого* внутреннего пространства. Само желание иметь ребенка направлено, скорее, на восстановление ранних симбиотических отношений с матерью, чем на компенсацию генитальной неполноценности. Если прежде психоаналитики, в основном, подчеркивали регрессивные тенденции в переживании беременности, то Кестенберг указала на интегративные силы, действующие в этот период. В случаях, описанных Кестенберг, фаллические эдиповы фантазии появлялись только как защита от скрытых доэдиповых желаний, связанных с матерью. Идентификация с любящей матерью помогает принять ребенка и поддержать возникающую у женщины новую идентичность. Во время беременности происходит перенос нарциссического либидо, отчужденного от объектов, на новый объект, будущего ребенка, начинается его идеализация. Нередко и отношения с собственной матерью подвергаются пересмотру в этот период. Таким образом, Кестенберг описывает беременность не как регрессию к прегенитальным и фаллической фазам, но как новую внутреннюю генитальную фазу, когда происходит повторение и реорганизация многих процессов раннего развития. Интеграция достигается и в соединении реальности с бессознательными фантазиями, в адаптации внутреннего мира женщины к внешнему объектному миру [4]. В процессе решения подобных задач развития поддержка окружения чрезвычайно значима. В некоторых случаях женщина может, наоборот, соперничать со своей интроецированной матерью и добиваться успеха в попытках быть лучшей матерью для собственного ребенка, чем та была для нее [4].

Материнские чувства также претерпевают трансформацию – из-начальное отношение к ребенку как к части себя постепенно замещается отношением к нему как к отдельной личности. Эрна Ферман делит этот процесс на четыре стадии в терминах деятельности: действие для ребенка, действие с ребенком, наблюдение-восхищение и действие для себя [29]. Каждый шаг может оказаться трудным, но особо проблематичной может быть стадия наблюдения-восхищения, если мать не осознает, насколько она еще важна для малыша, насколько существенны для него ее неистощимый интерес и восхищение им.

В целом, развитие чувства материнства и способности к адекватному выполнению материнских функций зависит от многих факторов. Главными можно считать качество ранних отношений с собственной матерью, историю развития, интегрированность функций эго и суперэго и степень успешности процесса сепарации-индивидуации, степень разрешения эдипова конфликта и развитие определенной идеализации по отношению к ребенку. Идентификация с хорошей матерью необходима для развития эмпатии и интуиции в отношениях с ребенком как самостоятельной отдельной личностью – следовательно, важен достаточный опыт восприятия «хорошей матери». Развитие собственной зрелой автономности позволяет снизить симбиотические и регрессивные импульсы в отношении ребенка по мере его взросления. Устойчивая гендерная идентичность делает возможным воспитание ребенка любого пола. Кроме того, женщина должна быть способна устанавливать и поддерживать близкие отношения с мужчиной, который, в свою очередь, поддерживает мать и ребенка (в идеале, конечно, это отец ребенка). Необходимо также уметь реализовывать свои потребности и чувствовать удовлетворение в областях жизни, не связанных с воспитанием детей, иначе дети могут стать заложниками нарциссических желаний матери.

Отец

Ситуацию в области психоаналитического исследования отцовской роли в свое время охарактеризовала Дороти Берлингэм:

«Но в целом, что бы ни писали большинство аналитиков о первых годах жизни ребенка, описываемые значимые объекты – это матери, отцы остаются на заднем плане, они не важны, и, не считая ранней первичной идентификации, едва ли упоминаются до тех пор, пока не занимают подобающее место при достижении ребенком фаллически-эдиповой стадии развития.

Меня не оставляет ощущение, что это сравнительное пренебрежение доэдипальным отцом не только несправедливо по отношению к его

роли, но в действительности искажает некоторым образом судьбу отношений между матерью и ребенком» [21. С. 24].

Отец в модели Фрейда – центральная фигура в эдиповой ситуации, значительно более сложная и амбивалентная, нежели мать, а эдипов комплекс – центральный элемент всей метапсихологической конструкции классического психоанализа.

«Из всех образов детства, которые, как правило, не помнятся, ни один не бывает настолько важным для юноши или мужчины, насколько важен образ его отца. Органическая необходимость вводит в отношение мужчины к своему отцу ту амбивалентность, которую мы видим наиболее ярко выраженной в греческом мифе о царе Эдипе. Маленький мальчик обречен любить своего отца и восхищаться им как самым сильным, добрым и мудрым созданием на свете. Сам Бог, в конце концов, есть лишь возвеличение образа отца – то, как он представлен в раннем детстве. Но скоро возникает и другая сторона этого эмоционального отношения. Отец видится как первостепенный нарушитель инстинктивной жизни ребенка; он становится не только моделью для подражания, но и тем, от кого нужно избавиться, чтобы занять его место. Впоследствии благожелательные и враждебные импульсы по отношению к нему присутствуют у человека бок о бок, часто до конца жизни, без того чтобы одни пересилили другие. Именно в таком совместном существовании противоположных чувств заключается существенный характер того, что мы называем эмоциональной амбивалентностью» [27. С. 243].

Таким образом, фигура отца в модели Фрейда также является заложником инстинктивных влечений, контейнером идеальных и агрессивных проекций. В распространенной версии классического психоанализа складывается образ отца как кастратора, накладывающего обязательные ограничения как на сына, так и на дочь, как эдипова соперника сына. Именно отцовские моральные принципы и ценности становятся основой для развития суперэго у ребенка. Вынужденный отказаться от сексуальных притязаний на мать из-за культурных, отцовских запретов, сын идентифицируется с отцом, принимает его «правила игры» и формирует соответствующие психические структуры, разрешая тем самым для себя эдипов конфликт. Таким образом, в основе разрешения эдипова комплекса во многом участвует «идентификация с агрессором». Якобсон добавляет, однако, что любовь отца, в гораздо большей степени, чем агрессия и угроза кастрации, служит ключом к разрешению эдипова конфликта и основой формирования любящего, реалистичного суперэго [35]. Важным шагом в признании роли позитивных отношений отца и сына можно считать и вывод Столлера о том, что «минимальное со-

блзнение» со стороны отца помогает сыну разделять его мужественность [63; 64].

Психоаналитические взгляды на роль отца стали заметно меняться к середине 70-х годов прошлого века. До тех пор функция отца зачастую сводилась к дисциплине и наложению запретов, а желание заботиться о младенце трактовалось как выражение женственных аспектов личности, идентификации с собственной матерью. Дальнейшая, отличная от классической, разработка отцовской роли в психоанализе затрагивала, в первую очередь, аспекты доэдиповых, ранних отношений ребенка с отцом.

В принципе, уже Фрейд отметил наличие особого доэдипального отношения сына к отцу с желанием быть похожим на него и не связанного с женственными качествами [6]. Отталкиваясь от замечания Фрейда, тридцать лет спустя Ганс Лёвальд исследовал роль отца в формировании эго-идентичности и чувства реальности у ребенка, предположив, что сначала сын использует активную, плодотворную идентификацию с отцом на основе его «положительной репутации» [45]. Он описал позитивные и негативные отношения с обоими родителями. По отношению к матери мальчик испытывает положительное либидное влечение и, в то же время, страх внутриутробного неинтегрированного состояния идентичности с ней. Положительная, «специфически мужская» идентификация с отцом позволяет противостоять опасному слиянию с материнским чревом, облегчая отделение от матери и дифференциацию вообще как основу развития собственного эго. Негативную, защитную позицию сын занимает ввиду отцовской угрозы кастрации. Роль отца в развитии дочери Лёвальд не рассматривал.

Филлис Гринакр [32], Маргарет Малер [47] обратили внимание на то, что младенец имеет определенное восприятие отца с первых месяцев жизни, хотя и более смутное («сумеречное» – twilight), чем матери. Насколько дистантной фигурой он окажется для ребенка, зависит от его и матери личностных характеристик, темперамента, а также родительских отношений. Активный отец играет важную роль в эмоциональной жизни и развитии ребенка, поощряя его автономию и независимость, в первую очередь, от матери. Присутствие отца не столь гарантировано, он является для ребенка скорее фигурой «извне», появляющейся, в основном, утром и вечером (а днем – только по выходным), и таинственно исчезающей неведомо куда. Игры отца с ребенком в начале его второго года жизни довольно типичны, инструментальны и подвижны, что соответствует растущей активности малыша, интенсификации эротических чувств, содействует укреплению телесного чувства Я и

поощряет исследование пространства. Деятельность отца кажется ребенку «в общем более могущественной, таинственной и очаровательной, нежели привычные повседневные заботы матери» [32]. Однако в контексте современных социальных перемен такое различие в восприятии родителей может стираться и даже меняться на противоположное. Появляются семьи с работающими матерями и отцами, осуществляющими повседневный уход за детьми. В то же время стала устойчивой тенденция к распаду традиционных семей с двумя родителями, ориентированных на детей. Вытекающее отсюда ослабление отцовского вовлечения в воспитание детей оказывается одной из главных причин множества возникающих индивидуальных и социальных проблем [51].

Таким образом, в психоаналитическом рассмотрении отцовской роли в развитии главным фактором становится собственная эмоциональная реакция отца на ребенка, возникает концепция «любящего отца» [40]. Винникотт считал, что по аналогии с холдингом, который мать устанавливает для младенца, отец обеспечивает поддерживающий «холдинг» для матери (точнее, для диады мать-младенец), решает текущие семейные задачи [73].

Отношения с отцом, также, как с матерью, Мелани Кляйн описывает в терминах бессознательных фантазий [38]. Как материнская грудь, так и отцовский пенис являются примитивными частичными объектами для младенца, но отцовские аспекты изначально открываются в материнском теле. Разделение на «плохую» и «хорошую» грудь переносится и на отношения с отцовским пенисом. Согласно Кляйн, агрессивные и либидные влечения к родителям служат основой развития эдипова комплекса намного раньше, чем полагал Фрейд. Также прототипом страха кастрации служит сепарационная тревога, в наиболее «воплощенном» виде – как страх потери или разобщения частей тела [49]. Продолжая развитие кейнзианских идей, Дэвид Розенфельд пришел к выводу, что отцовская роль заключается в *расшифровке* опыта младенца, в контейнировании детских примитивных страхов, в придании эмоциональной связности ощущениям и, тем самым, структурировании внутреннего мира ребенка. Эта роль имеет особое значение в доэдипальный период развития, и ее отсутствие чревато психотическими расстройствами. Причем она не обеспечивается просто присутствием отца, необходима его психологическая доступность для переработки соответствующих проективных идентификаций. Отцовская роль неотделима от материнской и диалектически дополняет ее [53].

Эрнст Абелен [9] отметил, что заметный «поворот к отцу» происходит между восемью и восемнадцатью месяцами жизни ребенка, во

время «подфазы практики» процесса сепарации-индивидуации, описанного Малер. Тогда наблюдается феномен «ранней триангуляции», когда отец становится вторым отдельным объектом, значимым для ребенка, отличным от матери, одновременно возникают триадические отношения и комплекс диад (мать-отец, мать-ребенок, отец-ребенок). Эта селф-объектная матрица отношений играет первостепенную роль в формировании я-образа, идентичности, ценностного мира ребенка, являясь предшественницей эдиповой ситуации с меньшим акцентом на соперничестве и с большим – на подобию и подражании. Для здорового развития эго ребенка критически важной становится положительная идентификация с отцом (независимо от пола). Во время подфазы воссоединения, когда ребенок испытывает противоречивые чувства, сепарационную тревогу и регрессивную тягу к беспомощному младенческому состоянию, отец обеспечивает чувство реальности и стабильности. Согласно Абелену, задача сепарации от матери просто не решается без некоего нематеринского объекта, к которому может обратиться ребенок, и наилучшим объектом такого рода становится отец, имеющий особые отношения с матерью. По выражению Менделя, «отец – это тот, кто не испытывает страха перед матерью, кто может избежать воздействия воображаемого всемогущества материнского образа, кто свободен» [8. С. 190]. Согласно Винникотту, «существует важная роль отца, состоящая в том, что он создает в матери нечто человеческое, отнимая у нее тот элемент, который в противном случае становится магическим и всемогущим и уничтожает материнские качества» [71. С. 73]. Развивая идеи Ганны Сегал [59], можно предположить, что именно отношения между родителями являются залогом здорового развития чувства реальности и собственной идентичности ребенка. Он должен наблюдать позитивные эмоциональные отношения, из которых он бывает исключен, что позволяет противопоставлять себя определенному «отношенческому полюсу».

Уже на втором году жизни ребенок прекрасно осознает, что, в отличие от матери, отец – мужчина. Это не обязательно означает знание различия гениталий, как предполагал Фрейд, но, скорее, «значительно менее явное ощущение его как мужчины, определяемое для ребенка его общими телесными особенностями, принципами, интересами, ролью в семье, способами отношения к каждому ее члену и ожиданиями реакции ребенка на него» [29. С. 141]. Ребенок не просто пассивно воспринимает наличие отца в семье, но испытывает сильную потребность в нем, особенно в условиях дефицита его психологического присутствия – так называемый «голод по отцу» [34].

Психоаналитическое понимание активной отцовской позиции и роли в эдипальный и постэдипальные периоды жизни ребенка также значительно углубилось со времен Фрейда. Полоролевая идентичность ребенка во многом зависит от качества опыта, связанного с отцом. Для мальчика взаимодействие с отцом определяет не только готовность к зрелой объектной любви, но и получение навыков, связанных с работой и производительностью. Отец помогает сыну направить прегенитальные стремления на общепринятую и адаптивную деятельность [54]. Возможность любить отца и быть любимым им повышает самооценку ребенка [30]. В отсутствии отца снижается самооценка и степень овладения агрессией. Поскольку в период формирования суперэго у ребенка наблюдается тенденция экстернализовать внутренний конфликт, прибегнув к проекции нового психического содержания, необходима внешняя коррекция жесткого «внутреннего голоса». Без отца суперэго остается агрессивным и ригидным. Присутствие любящего отца позволяет интернализировать более мягкие и реалистичные принципы совести. Отец моделирует для ребенка позитивное отношение к работе, творчеству, настойчивости, ответственности.

Селф-психология придает особое значение «эмпатической матрице» отношений, в которых растет ребенок. Самость (я, self) отца должна быть достаточно развита и интегрирована, чтобы сделать возможной эмпатию по отношению к ребенку, понимание и удовлетворение его потребностей таким способом, который облегчает структурирование и поддержание самости ребенка. Отцу недостаточно просто обеспечивать свое присутствие как «мишени для идеализации», он должен быть способен испытывать удовлетворение от выполнения соответствующих функций, «радость от того, чтобы быть для кого-то достойной поддержкой» [50. С. 317].

Достаточно много психоаналитических работ было посвящено частным вопросам, связанным с отцовским образом и ролью. Вайсман рассмотрел примеры «патологической» игры отца и ребенка, ее природу и влияние в доэдипов период, но не описал нормальное развитие [68]. Марджори Леонард описала различные типы отношений отцов и дочерей-подростков, подчеркнув важность их «десексуализированного отношения к отцу» в латентный период для развития «женственной роли», не отягощенной виной или тревогой [41]. Джессика Бенджамин также рассмотрела роль отца в жизни дочери, особую важность ее идентификации с ним на стадии воссоединения (2-ой год жизни) как с представителем «внешнего мира». Описанная Фрейдом зависть к пенису возникает в результате фрустрации этой ранней любви к отцу [14]. Аналогично

рассматривалась психодинамика взаимоотношений отца и сына-подростка [16;10]. Достаточно много исследований посвящено роли отца в этиологии психотических расстройств [8]. Однако многие описания кажутся вырванными из контекста, поскольку в них не затрагиваются семейные отношения и материнское участие в этих взаимоотношениях.

Стремление к отцовству обусловлено тем, что оно дает мужчине определенные психодинамические преимущества. Ребенок обеспечивает его продолженность в будущем, мобилизует соответствующие амбиции. Отцовство является признаком возмужалости (хотя способность зачать ребенка вряд ли может служить ее реальным показателем). Отец находит нарциссическую поддержку в восхищении ребенка. Отцовская позиция не только повышает мужскую самооценку и обеспечивает реализацию инструментальных функций защиты и поддержки, но и обеспечивает возможность выразить «женские качества заботы» [44. С. 444], его ранней идентификации с матерью, прежде вытесняемые. Позиция и статус «отца» – предмет зависти и желания с раннего детства – наконец становятся доступными.

В то же время в бессознательном отца также есть силы, провоцирующие ревность к ребенку, особенно к сыну, и антагонистическую позицию. Отец может испытывать возмущение вниманием, которое уделяет ребенку мать, может произойти возрождение чувств, связанных с siblingовым соперничеством. Кроме того, могут каким-либо образом проявиться глубоко спрятанные страхи избавления от него сыном (обратная сторона эдиповой ситуации).

В целом, психоаналитическое исследование отцовской роли до сих пор значительно более фрагментарно, нежели материнской, и требует дальнейшего углубления. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить влиянию личности отца, его фантазий и принципов на детское психологическое развитие (например, рассмотрению «комплекса Лая» дополнительно к эдипову комплексу [55]). Важно рассмотреть идентификации отца с собственными родителями (как это делается в отношении матери), степень и влияние резонанса между репрезентационными мирами отца и ребенка [57]. Представляется интересным и важным проследить изменение взаимодействия отца и ребенка в «переходные периоды» от доэдиповой к эдиповой и постэдиповой ситуации. Большое значение имеет рассмотрение трансформаций отцовской роли с учетом текущих социальных процессов и перемен.

Родители

Роли отца и матери неотделимы от целого семейного контекста и, кроме того, имеют общие характеристики, связанные с функцией родительства. Рождение детей оказывает значительное влияние на личность родителя. Собственно и родитель как таковой возникает именно с рождением ребенка. Многие психоаналитики рассматривают родительство как новую фазу развития [13; 23; 44]. В жизни семейной пары все изменяется – задачи, роли, ориентация в будущем – появляются новые способы удовлетворения, чувство завершенности – наконец реализуется фантазируемый, но фрустрированный с раннего детства опыт. Важным источником удовлетворения архаических инфантильных желаний становится идентификация родителей со своими детьми. Вместе с тем, психологические задачи адаптации к новому опыту и ситуации могут оказаться крайне трудными – супругам необходимо предоставить эмоциональное пространство для третьей (как минимум) личности. Рождение ребенка может оказать на семью как объединяющее, так и разъединяющее действие. Происходит неизбежное перераспределение внимания в отношениях, семейная система в значительной степени теряет гибкость.

С психодинамической точки зрения, с рождением ребенка происходит завершение семейного романа, которое невозможно осуществить в изначальной родительской семье. До этого момента уделом пары было «членство в детском поколении» [44. С. 442] и статус «младших» в семье. Кэлвин Коларуссо [22] называет переход к родительству «третьей индивидуацией» (первая связана с отделением от матери в раннем процессе сепарации-индивидуации, вторая – с отделением от родителей в подростковый период). Способность к интимным отношениям в браке уже подтверждена. Энергии влечений, вкладываемые прежде в вытеснение сексуальных импульсов и поиск удовлетворения сексуального драйва, освобождены для творчества. Таким взаимным творчеством становится зачатие ребенка – процесс, в котором, как и в любом творчестве, границы между собой и другим временно размываются.

Когда супруги эмоционально готовы к родительству, появление ребенка стабилизирует и укрепляет их отношения, даже несмотря на разные взгляды на воспитание и семейные роли. Ребенок становится новым общим источником интереса. Изменения при этом часто бывают более значительными, чем при вступлении в брак. Меняется положение супружеской пары в обществе. Меняется сама структура брачных отношений. В парных отношениях гармония зависит от нахождения взаимодополняющих ролей, вплоть до «обмена» ролями. При этом во избежание конфликта можно иногда жертвовать какими-то аспектами своих

ролей. Но отец, в общем случае, не выполняет материнскую роль (как поется в популярной песенке – «Папа может все, что угодно, только мамой не может быть»), то есть роли в семье становятся более фиксированными. Установление родительской коалиции еще до рождения ребенка способствует более гармоничному выполнению родительских функций. Существует определенное разделение ответственности и поддержка функций другого. Родители, как мы видели выше, решают дополняющие задачи по отношению к ребенку. Это требование специфических ролей и функций может приводить к серьезному индивидуальному или семейному напряжению, особенно в условиях неопределенности супругов относительно выполнения этих ролей. Такая неопределенность зачастую провоцирует конфликт, например, когда жена желает «делить» все заботы о ребенке с мужем и обижается на отсутствие энтузиазма с его стороны, в свою очередь, ее озабоченность ребенком воспринимается им как «исключение» его из отношений [44].

Ребенок требует позитивного направляющего влияния семьи для того, чтобы стать интегрированным и полноценно функционирующим в обществе индивидом. Роль семьи в воспитании ребенка складывается из нескольких составляющих [44. С. 55]: (1) родительская функция заботы, которая позволяет обеспечить потребности ребенка и дополнить его незрелые способности соответствующими методами на каждой стадии его развития; (2) динамическая структура семьи, которая формирует рамки для структурирования личности ребенка, или, корректнее, направляет его на то, чтобы он стал интегрированным индивидом; (3) функция семьи как первичной социальной системы, в которой ребенок изучает базовые социальные роли, ценность социальных институтов и базовую мораль (нравы) общества; (4) функция передачи ребенку существенных адаптивных техник поведения и чувствования в рамках культуры, включая язык (речь).

Маслин отмечает, что эффективное выполнение родительских функций зависит от интроспективной способности родителей контактировать с воспоминаниями о собственных ранних годах жизни [50]. Спонтанные родительские навыки проявляются тогда, когда сами родители имеют детский опыт заботы, принятия и подтверждения своей психологической состоятельности.

В целом, по мере развития психоаналитических идей, понимание функции родителей как социализирующей и адаптирующей ребенка к жизни дополнилось представлением о поддержке спонтанности, личностной уникальности и необходимости адекватного ответа на усложняющиеся потребности растущего ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *ДеМоз*. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс. Л., 2000.
2. *Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
3. *Коряков Я. И.* Развитие эго в описании Стенли Гринспана // Уральский психоаналитический вестник, 1: 99. 2002
4. *Пайнз Д.* Беременность и материнство // Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К., 1997.
5. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. М.: "Просвещение", 1990.
6. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // В кн. Я и Оно: Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1.
7. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., Прогресс-Универс, 1993.
8. *Шторк Й.* Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. М.: Cogito-MGM, 2001.
9. *Abelin E.* Triangulation, the role of the father and the origins of core gender identity during the rapprochement subphase. In R. Lax (ed.), Approachement, N-Y: Aronson, 1980.
10. *Atkins R.* The fate of the father representation in adolescent sons. J. Amer. Acad. Psychoanal. 17: 1989.
11. *Atwood G. E., Stolorow R. D.* Faces in a Cloud. Northvale. N-J: Aronson, 1979.
12. *Bacciagaluppi M.* The relevance of attachment research to psychoanalysis and analytic social psychology. J. Am. Academy Psychoanal, 22(3), 1994.
13. *Benedek Therese.* Parenthood as a Developmental Phase: a contribution to the libido theory. J. of Am. Psychoanal. Assn., 7, 1959.
14. *Benjamin J.* Father and daughter: Identification with difference – a contribution to gender heterodoxy. Psychoanal. Dialogues, 1(3): 1991.
15. *Bion W. R.* Learning from Experience. London: Heinemann, 1962.
16. *Blos P.* Son and father. J. Amer. Psychoanal. Assoc., 32: 1984.
17. *Bowlby J.* Maternal Care and Mental Health. Geneva: World Health Organization, 1951.
18. *Bowlby J.* Attachment and Loss I: Attachment. N-Y: Basic Books, 1969.
19. *Bowlby J.* Attachment and Loss II: Separation, Anxiety and Anger. N-Y: Basic Books, 1973.
20. *Bowlby J.* Attachment and Loss III: Loss, Sadness and Depression. N-Y: Basic Books, 1980.
21. *Burlingham D.* The preoedipal infant-father relationship. Psychoanal. Study Child, 28: 1973.
22. *Colarusso C. A.* The third individuation. Psychoanal. Study Child, 45: 1990.
23. *Colarusso C. A.* Fulfillment in Adulthood. N-Y: Plenum Press, 1994.

24. *Deutsch H.* The Psychology of Women. Vol. 2. Motherhood. N-Y: Grune & Stratton, 1945.
25. *Fairbairn R. W.* An Object-Relations Theory of the Personality. N-Y: Basic Books, 1952.
26. *Freud A.* Normality and Pathology in Childhood. N-Y: Intl. Universities Press, 1965.
27. *Freud S.* Some reflections on schoolboy psychology. Standard Edition. V. 13, 1914.
28. *Freud S.* Femininity. Standard Edition 22: 1933.
29. *Furman E.* Toddlers and Their Mothers. A Study in Early Personality Development, N-Y: Int. Universities Press, 1992.
30. *Furman R. A.* The Father-child relationship. In Greenspan and Pollack, The Course of Life Vol. III, Madison, CT: Int. Universities Press, 1991.
31. *Gay P.* Freud: A Life for Our Time. N-Y: Norton, 1988.
32. *Greenacre P.* Problems of over-idealization of the analyst and of analysis. *Psychoanal. Study Child*, 21: 1966.
33. *Guntrip H.* Psychoanalytic Theory, Therapy and the Self. N-Y: Basic Books, 1981.
34. *Herzog J. M.* Men in the psychoanalytic situation: encountering father hunger. *Psychoanalysis & Psychotherapy*, 12(1): 1995.
35. *Jacobson E.* The Self and the Object World. N-Y: Intl. Universities Press, 1964.
36. *Kestenberga J.* On the development of maternal feelings in early childhood. *Psychoanalytic Study of the Child*, 11: 1956.
37. *Kestenberga J.* Children and Parents. *Psychoanalytic Studies in Development*. NY: Aronson, 1975.
38. *Klein M.* The Oedipus complex in the light of early anxieties. / In *Contributions to Psychoanalysis*. 1975, London: Hogarth Press, 1945.
39. *Kohut H.* The Restoration of the Self. N-Y: Intl. Univrsities Press, 1977..
40. *Laylan, W.R.* In search of a loving father. *Intl. J. Psychoanal.*, 62: 1981.
41. *Leonard M.* Fathers and daughters: the significance of "fathering" in the psychosexual development of the girl. *Int. J. Psychoanal.*, 47: 1966.
42. *Levy D. M.* Maternal Overprotection. N-Y: Norton, 1966.
43. *Lichtenberg J.* Psychoanalysis and Infant Research. Hillsdale, NJ: Analytic Press, 1983.
44. *Lidz T.* The Person: His development throughout the life cycle. N-Y, London: Basic Books, 1968.
45. *Loewald H.* Ego and reality. *Int. J. Psychoanal.* 32, 1951.
46. *Loewald H.* Instinct theory, object relations and psychic structure formation. *J. Am. Psychoanal. Assoc.*, 26: 1978.
47. *Mahler M. S., Pine F. & Bergman A.* The Psychological Birth of the Human Infant. London: Hutchinson, 1975.
48. *May U.* Abraham's discovery of the "bad mother": a contribution to the history of the theory of depression. *Int. J. Psychoanal.*, 82: 2001.

49. *McDougall J.* Theaters of the Mind. N-Y: Basic Books, 1985.
50. *Muslin H. L.* On the resistance to parenthood: considerations of the self of the father. In R.S Cohen, B.J. Cohler, S.H. Weisman (Eds.), *Parenthood: A Psychodynamic Perspective*. N-Y: Guilford Press, 1984.
51. *Phares V.* Fathers and Developmental Psychopathology. N-Y: Wiley, 1995.
52. *Rachman A. W.* Sandoz Ferenczi: The Psychotherapist of Tenderness and Passion. Northvale, NJ: Aronson, 1997.
53. *Rosenfeld D.* Psychic changes in the paternal image. *Int. J. Psychoanal.*, 73: 1992.
54. *Ross J. M.* Towards fatherhood. *Int. Review Psychoanal.*, 4:1997.
55. *Ross J. M.* Fathering: a review of some psychoanalytic contributions on pater-nity. *Int. J. Psychoanal.*, 60: 1979.
56. *Rutter M.* Maternal Deprivation Reassessed. N-Y: Penguin, 1981.
57. *Sandler J., Rosenblatt B.* The cocept of representational world. *Psychoanal. Study Child*, 17: 1962.
58. *Schur M.* Freud: Living and Dying. N-Y: Intl. Universities Press, 1972.
59. *Segal H.* Dream, Phantasy and Art. London: Tavistock/Routledge, 1991.
60. *Spitz R.* The First Year of Life. N-Y: Intl. Universities Press, 1965.
61. *Stern D.* The Interpersonal World of the Infant. N-Y: Basic Books, 1985.
62. *Stern D.* The Motherhood Constellation. N-Y: Basic Books, 1995.
63. *Stolle, R.* Sex and Gender. N-Y: Science House, 1968.
64. *Stoller R.* Healthy parental influences on the earliest development of masculin-ity in baby boys. *Psychoanal. Forum*. 5, 1975.
65. *Stolorow R., Atwood G.* Contexts of Being: The Intersubjective Foundations of Psychological Life. Hillside, N-J: Analytic Press, 1992.
66. *Sullivan H. S.* The Interpersonal Theory of Psychiatry. N-Y: Norton, 1953.
67. *Thurer S.* Changing conceptions of the good mother in psychoanalysis. *Psycho-analytic Review*, 80(4), 1993.
68. *Weissman P.* The effects of preoedipal paternal attitudes on development and character. *Int. J. Psychoanal.*, 44: 1963.
69. *Winnicott D. W.* Transitional objects and transitional phenomena. *Int. J. Psy-choanal.*, 34: 1953.
70. *Winnicott D. W.* Mother and Child: A Primer of First Relationships. N-Y: Basic Books, 1957.
71. *Winnicott D. W.* The Effect of Psychotic Parents on the Emotional Development of the Child / In *The Family and Individual Development*, 1965, London: Ta-vistock Publications, 1959.
72. *Winnicott D. W.* Playing and Reality. London: Tavistock, 1971.
73. *Winnicott D. W.* Through Paediatrics to Psycho-Analysis. London: Hogarth Press, 1975.